

Стонут наши сестры в немецкой неволе

БОЙЦЫ СМЕЛЕЕ ИДИТЕ НА ЗАПАД!
Труженики тыла! Помогайте советским воинам
выручить наших людей из рабства.

БУДЬ СНИ ТРИЖДЫ ПРОКЛЯТЫ, РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ

Это было в прошлом году, летом. Рассказали по городу новости: летят на «буржу труда». Явилась, прошла комиссия. Я сперва не знала, зачем все это, а то бы сразу убежала. Только потом, когда осмотрели, сказали: в Германию. Х тела бежать, да поздно: посадили нас в эшелон, повезли. Только в Варшаве дали в первый раз горячую пищу, да и то такую, что несколько девчат на нашего вагона отравились.

Привезли нас в город Лянц. Поместили в лагере. Осмотрелась я вокруг и говорю сестре:

— Ну, Клава, попали мы в тюрьму. Оно и в самом деле была тюрьма. Вокруг колючая проволока, часовые, а в бараках — нары в два этажа. Народу битком набито. Грязь, вши, зараза. Кормят раз в день, дают литр похлебки, а хлеба — килограмм на 10 человек.

Ну, я не привыкла к таким эсэсовцам кланяться и сразу бежать решила.

Да ведь разве можно было терпеть. Как вспомню сейчас, сердце замирает! Утром всех нас стогнали, как скотину, на площадь. Поставят в круг. Стоим, ждем. Потом помещики объявляют: Ходят они по кругу, палочкой указывают: отбирают. Каждый народ тут вытравить самых здоровых. Подойдут к девушке и начинают ее осматривать и ощупывать, как вещь, ну, я даже смотреть на это не могла, так

Рассказ

Тамары ПЕНЬКОВОЙ

точно было. Ведь мы выросли свободными, никогда ни перед кем не унижались, а там на нас, как на рабов, смотрели, как на скот рабочий. Отберет помещик себе человек пятьдесят

наших и гонит их пешком на работу в свое имение. А там с 4-х часов утра до 10 вечера, не разгибая спины, работают они на него.

Ну я не выдержала такого, бежала вместе с сестрой. Опасно было бежать, возле их полицейские стоят, солдаты шныряют, но мы решились. Лучше, думаем, смерть, чем такая кабала. И в ту ночь, пошла за взятку документы себе выправить и так, идя пешком, где на поезде добрались в свой Курск.

Будь они прокляты, эти немцы. Нагляделась я на них и на ихнюю Германию. Кто там из наших остался, мучается и об одном только мечтает — скорее бы Красная Армия выручила всех нас из неволи. Только в письмах не все пишут про это. Боятся цензуры. Пишут намеками. Видела я: сидит наша девушка, слезами обливается, голодная, избитая, а сама пишет: «Мамочка, я жива и здорова». Пишет только, чтобы утешить мать, подать о себе хоть какую-нибудь весть. Горько вспомнить все это. А как вспомню, такая злость берет на гадов — немцев, что кажись их всех бы своими руками передушила.

Пропадает наша молодость в фашистском плену

В редакцию доставлено письмо русской девушки Соны, присланное ею из Германии в г. Курск, к матери Н. А. Игуменовой. Приводим его полностью.

«Здравствуйте, дорогие родные. 15 мая меня отправляли в Германию, оторвали от родительского дома. Сейчас мы находимся в гор. Бланкенбурге. У помещика, к которому меня, 13 русских девушек из Курска, а всего в нашем лагере 33 человека — 14 русских и 5 поля-

ков, 5 украинцев, 9 французов и все работаем на немца. Наш рабочий день тянется с утра до ночи. Работать очень тяжело, а кормят так: на обед — миска супа и больше ничего. Хлеба дают так мало, что хоть ешь, хоть смотри.

Получаем: вх, свобода, сво-

бода, когда ты вернешься к нам. Пропадает наша молодость в фашистском плену! Над нами висит плетка. Стоишь и дрожишь перед негодеем — немцем.

Письмо это залито моими слезами. Хочаю писать. Мамочка, помни о своей несчастной дочке.

Любящая вас Соня.»

В немецкой кабале

Рассказ колхозницы Варвары БАХТИНОЙ

Третьего мая прошлого года к нам в избу зашел Фомка Воронин, бывший кулак, поставленный немцами старостой нашей деревни Николаевка. Он сказал мне:

— Варвара, поезжай добровольно на работу в Германию? — Не поеду. Не губи меня, — твердо ответила я.

Но помогали ни слезы, ни мольбы. Меня, мою пятнадцатилетнюю сестренку и еще несколько моих сверстников погнали пешком в Золотухино, где мы провели почти сутки под открытым небом. Из Золотухино нас погнали в Курск. Карчки, которые мы взяли с собой, выжили, и начали мы голодать. Немцы ничего есть не давали. В Курске нас впили в «стелитники», по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали, немецкий часовой с и делом отпущал нам подза-мылишки.

Во Льгове нас высадили. Здесь мы проходили осмотр специальной комиссией. Под открытым небом, в лагере, обнесенном колючей проволокой, два дня измывались над нами. В присутствии солдат заставляли разде-

ваться догола, осматривали тела, стригли. Голод доводил нас, но хуже всего мучали нас издевательства. Были мы вольными русскими людьми, а немцы хотели превратить нас в скотину.

Во Льгове опять прошли медицинский осмотр, после которого повели нас в баню. Оказывается, это гнусные кобели устроили себе потеху: солдатий пришла в баню поиздеваться над русскими женщинами. Некоторые девушки, в том числе и я, отказались мыться. Нас избивали. Немецкие офицеры фотографировали нас и приговаривали: «Мы покажем всему миру, как мы приучаем вас к культуре».

Хороша немецкая культура, нечего сказать!

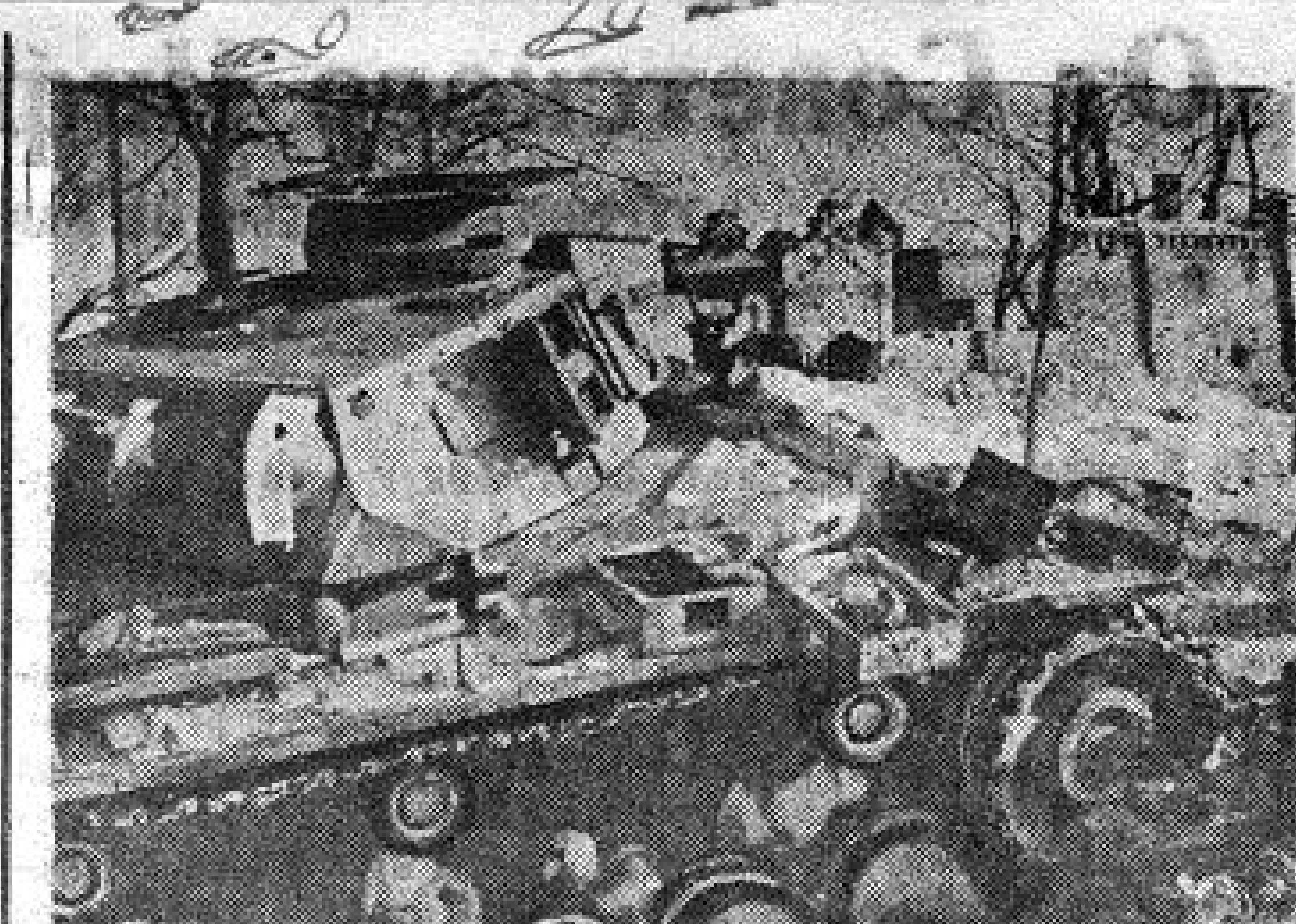
В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Стали прямо на земле. Стали мы жаловаться немцам начальству, что нас не кормят. И вот на наших глазах заставили пленных накосить траву, мелко ее порубить и варить в котлах. Это было самое

настоящее пойло для скота. Это нам и дали. Никто и не притронулся к нему.

Из лагеря, в котором мы прожили четыре дня, нас начали распределять по местам. Я, моя сестра Валентина и еще тринадцать девушек попали на военный завод. В 12 часов ночи нас всех 15 человек привели в комнату, в которой стояли нары в два этажа, покрытые бумажными матрасами, и сказали, что здесь мы будем жить. Кроме нар, ничего в комнате не было. Заперли нас. Утром в пять часов разбудили и повели в столовую. Дали по стакану горького кофе и 150 граммов хлеба. Вот и весь завтрак. Словно недовольства — и опять в ответ:

— Вы, русские, привыкли жрать. Надо привыкать к культуре, к немецкой еде.

После завтрака повели нас на завод и показали, что будем делать. Я была приставлена к машине, которую все время должна была чистить, смазывать. В 12 часов — обед. Похлебка из отрубей с картофельной шелухой — и ни кусочка хлеба. А потом — опять к машине, где мы проработали до пяти часов вечера. На ужин — тот же горький стакан кофе. Затем погнали в общежитие и — под замок.

На снимке: фашистский танк, подбитый нашими артиллеристами в районе села Н.

Фото Н. Финникова.

БОЛЬШЕ ИНИЦИАТИВЫ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ!

ФРОНТ ТРЕБУЕТ ОТ КОЛЛЕКТИВА
МОТОР - РЕМОНТНОГО ЗАВОДА
1 АИСТАЛЬ 1 С-ДИСТУ!

В кабинет директора входит шофер военной машины.

— Товарищ директор, стала машина — по огите.

Через полчаса исправленная машина проехала превращенный путь на запад, к фронту, подвозя грозные «остинцы» на голову врага. Такие услуги фронту коллектив завода оказывает, что называется, между делом.

На завод пришли старые каменные рабочие. С первых же дней они покаывают образцы стахановского труда. Так, т.т. Денсов, Демин, Дмитриев из механического цеха; Дивулин, Кротов, Либинский из слесарного цеха; Ильин, Зубарев из кузнечного цеха выполняют и первыполняют сменные задания.

Завод крепко помог водопроводчикам быстро подать городу воду — он дал им в срок необходимое количество насосов, выполняя наряду с этим другие срочные заказы для важных

объектов. Неплохо работает коллектив по восстановлению с него предприятия. Но, несмотря на это, многое еще предстоит.

На заводе не хватает рабочих. Их надо найти, подготовить, выучить, но это не делается.

До сих пор на заводе нет четкого плана, норм выработки, технологический процесс не разработан и никто с этим неотложным делом не спешит.

Заводу нужен штамп. Например, одна простая деталь — пружина — делается вручную способом — за смену 40—45 штук. Штампом можно сделать тысячу таких деталей. Штамп легко изготовить силами самого завода, но и здесь дирекция проявляет медлительность.

Большая инициатива, изобретательность — вот что требует от тыла фронт. Но как раз всего этого еще не хватает заводу.

Ф. Лектионов.

десятками таких же несчастных, искалеченных в рабстве людей отправили обратно в Россию. Обратный путь был еще труднее, но все же радостнее, так как это был путь на родину.

Не всем удалось дожить живыми. Дорогой многие умерли. На каждой станции сгружали трупы. Жили мы все время подкачками. Остановился поезд — идем поблизиться, искать корочку хлеба.

И вот, наконец, я добралась до Николаевки. Как раз в это время убрали уже урожай. Но немцы забрали весь хлеб, оставив лишь по несколько снопов на семью. Пошла к старосте, чтобы дал хоть немного хлеба, а он меня прогнал. За недостающую молоко у нас отобрали корову. Совсем стала пропадать с голоду. Ходила по полю, собирала колоссы, лебеду.

Но дождалась я счастья. Пришла Красная Армия, прогнала душегубов. Дали мне хлеба, опять свободная, на родной стороне. Но никогда не забуду немецкого рабства...

Зоя Николаевна, Революционная сельсовет, Золотухинского района, Курской области.